

иу К. Гонци «Принцесса Турандот», — рассказывае

С. Стрижев — романтического Овода, а П. Глебов — патетического Григория Мелехова, то и тогда имена этих актёров

в были бы запечатлены на прижалах истории советского кино. Почему? В каждой этих работ дарование исполнителя обрело идеальную и себя форму выражения, мы не в силах уже отдать актера от созданного им образа. Талант — редкая, но же закономерность, а вотявление его бывает и в детском случае...

ших не только в советском кинематографе. Конечно, в основе величайшего

актеров, игравших офицеров из окружения Листницкого, примеряясь к тексту, перекидывались в преферанс и рассуждали о событиях февральской революции, я услышал голос, как мне показалось необыкновенный. В прокуреной сипотце таились глубина и сила. «Кто это?» — спросил я у ассистента. «Глебов, актер Театра Станиславского. Хотим попробовать его на роль второго офицера», — был ответ. Потом включили свет, и мастер опять разочаровался. На лице темноглазого человека он не нашел ни одной из описанных Шолоховым черт Григория — горбатости носа, своеобразной «турковатости»... Пожалуй, лишь глаза привлекали внимание. Да, глаза действительно были хороши. И не верь

еще в свою затею, попросил загримировать Глебова в главного героя. «Да пополните вам, Сергей Аполлинариевич, какой же это Мелехов, — урезонивал его второй режиссер. — Это вы от отчаяния».

Сомнения и в самом деле одолевали, но лишь до следующего дня, пока в коридоре студии С. Герасимов не столкнулся с Григорием Мелеховым, будто сошедшим с иллюстраций Верейского. Сначала, как признается сам режиссер, потрясла блестящая работа художника-гримера А. Смирнова. Затем, не откладывая, захотелось услышать П. Глебова в роли — он тут же отвел его в свой

он тут же отвел его в свой кабинет, где попросил про честь любой отрывок из романа. И когда тот, раскрыл книгу, начал, голос его без всякой натуры, очень естественно и просто слился с шолоховским текстом, все более рассеивая сомнения в правильности режиссерского решения. Уже позднее, как бы в подтверждение этому, увидевший отснятые пробы М. А. Шолохов изумленно воскликнул: «Так это же он!»

известного романа и принят пришедшего к нам с экрана Мелехова мы смогли лишь тогда, когда увидели, что автор не только «драму судьбы», но и каждое слово пропускает через сердце, как дый жест делает своим. Сос-твенно, в этом смысле одно из заветов его учителя К. О. Станиславского. А чтобы принять мелеховское как свое, чтобы любой дончанин мог сказать тебе: «Нет, не горо- ской ты, Петро, нашенской кровей, казачьих», нужны какие-то биографические то-ки соприкосновения с героем. И они есть.

росным утром и трудовым знойным полднем, сенокосом и ночным... Очень любил лошадей.

— Дядя Семен, можно свести лошадей в ночное?

— Можно. Только шибко то не гони...

Какое там шибко. Лишь почувствовав себя всадником, босыми ногами понуздая коня, вихрем летел Петр в гору, на опушку леса, где уже поджидали друзья.

Когда спрашивают, как ему удается так убедительно играть мужчин, Петр Петрович улыбается и пробует объяснять. А про себя недоуме-

вает, разве выразить словами, что деревня все еще живет в нем. Тонкое понимание природы, любовь к земле, уважение к крестьянскому труду, знание быта и говора — все это из того же деревенского детства. Актер не нужно было учиться верховой езде, после чего замечена жокейская осанка, держать в руках косу, ходить за плугом. Это часть его жизни. И из нее-то и вырастает та желанная для каждого настоящего художника правда образа, являющаяся достоянием высокого искусства.

дел на троне. Прогуливавшийся неподалеку Константин Сергеевич вдруг подошел к нему и начал объяснять, как подобает сидеть королю. Представь себе, говорил он брату, что ты должен увидеть не только все Дарьино, но и Жаворонки, и даже Москву за лесом. Федя вытягивался как мог, очень ему хотелось и на короля походить, и на столицу поглядеть. Но вот самодельный трон качнулся, и он полетел прямо в овраг. И смех, и слезы. Я в том спектакле играл Панталоне. Мне вообще почему-то все время доставались роли комические...

чивая пауза оставляют след в наших душах». Примерно тоже, видимо, произошло и с Петей Глебовым. Правда, после переезда семьи в Москву, еще не испытывая особого разлада с собственным сердцем, он сначала закончил мелиоративный техникум, а затем работал на рече-

ке Богучарке близ Воронежа. И лишь где-то через год он держит экзамены в студии К. С. Станиславского. До сих пор в подробностях помнит, как читал басню Крылова «Два мужика», никитинское стихотворение «Ямщик». Как дошло дело до диалога Чичикова с Собакевичем, выученного по пластинке с усердным подражанием Топоркову и Тарханову. И, конечно же, не забыть, как присутствовавшая на испытаниях М. П. Лилина страшно хохотала: «Какой громкий голос. Такого Чичикова у нас во МХАТе и нет».

— В студии нас пестовали лучшие мастера прославленного театра — М. Кедров, Л. Леонидов, В. Орлов, М. Яншин, О. Андровская, М. Лилина, — говорит П. Глебов. — Но особенно памятны, конечно, ежедневные занятия с К. С. Станиславским. Он учил нас искусству перекличивания, говорил, что нужно не играть, а жить на сцене. Он привил нам веру в свой метод, в свою систему. И если я чего-то добился в своей артистической жизни, то благодаря тому, что всегда помнил завет учителя.

Начало самостоятельной актерской карьеры совпало с началом Великой Отечественной войны. В подшефном 193-м зенитно-артиллерийском полку доброволец П. Глебов принял свой первый и самый тяжелый бой на подступах к столице у станции Очаково. Приходилось отражать налеты авиации, занимать противотанковую оборону...

Театралы послевоенной по-
ры помнят его по Драматиче-
скому театру имени К. С.
Станиславского в разноха-
рактерных и разноплановых
ролях — от жгучих любовни-
ков с гитарами в музыкаль-
ных комедиях до колхозного
бригадира. Это был крепкий
актер хорошей школы, кото-
рый всегда мог выручить те-
атр. Но все же особенно яр-
ко дарование П. Глебова вы-
явил кинематограф, где он
сыграл десятки ролей. После
Григория Мелехова — глав-
ной своей роли, как считает
сам П. Глебов, — он создал
немало интересных экранных

образов — Половцева в «Поднятой целине», майора Лушина в «Балтийском небе», Сальери в ленте «Моцарт и Сальери», Сторожева в фильме «Одиночество», атамана Федулова в «Емельяне Пугачеве»... А совсем недавно на экраны вышла новая московская картина — «Мужики!..» (режиссер И. Бабич), где он сыграл отца главного героя — Павла. Роль эта — серьезная удача актера за последние годы. С философских позиций его герой — своеобразный нравственный камертон фильма. Стоит ли говорить, как здесь важны и точность игры, и психологическая мотивировка каждого жеста, поступка, душевного порыва. Малейший пережим, неверность, и мелодрама превратится в свою противоположность — фарс.

Новая работа Петра Глебова в кино интересна еще и тем, что в ней он соединил весь свой актерский и жизненный опыт. Видимо, тут причина удачи созданного им образа простого крестьянина — хранителя высоких нравственных начал, чистоты традиций. Впрочем, подлинные удачи к П. Глебову все-

гда приходили именно тогда, когда он, раскрывая истинные черты простого русского

ные черты простого русского человека с его состраданием к боли другого, невольно под-

к роли другого, невольно поднимался до символического обобщения национального ха-